

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.131

А. И. Лаврентьев, В. Л. Шибанов

СПЕЦИФИКА СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ КУЗЕБАЯ ГЕРДА*

В статье анализируются стихотворения Кузебая Герда, в которых важную роль играет комическое начало: «Парсь» («Свинья»), «Пуныос» («Псы»), «Эн тышкаське» («Не ругайте»), «Базар» («Базар»), «Шайтан уллян» («Изгнание шайтана») и др. Комическая картина мира удмуртов представлена в творчестве Герда широко. Используются канонические жанры (с ориентацией на русскую и европейскую литературу) и формы, синтезирующие признаки самых разных жанров (например, памфлета и басни в форме ролевого стихотворения). Также широко использованы народные частушки, включающие в себя иронию. Амбивалентность художественной системы Герда объясняется переходностью от фольклорной эстетики к эстетическим принципам индивидуально-личностного творчества.

Ключевые слова: удмуртская литература, Кузебай Герд, смеховая культура, жанр, сатира, юмор, ирония.

В обширной критической литературе, посвященной творчеству К. Герда (1898–1937), особое место занимают исследования, так или иначе касающиеся вопросов смеховой культуры. Сатира, юмор и ирония в стихах удмуртского классика на первый взгляд играют лишь вспомогательную роль и подчинены сверхзадаче – строительству нового мира и зарождению национальной культуры. Лейтмотив поэзии К. Герда, обозначенный А. Г. Красильниковым как «выход из черного леса на широкое поле» [7. С. 83], впоследствии наводит на размышления об амбивалентности художественной системы поэта: «Амбивалентность в данном случае является признаком переходности от фольклорной эстетики к эстетическим принципам индивидуально-личностным... Он (К. Герд. – А. Л., В. Ш.) был концом одной эпохи в удмуртской культуре и началом другой, продлившейся до сегодняшних дней» [8. С. 27],

---

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-14-18008.

из чего следует, что «переходность» характерна и для комического начала в поэзии К. Герда: его юмор, сатира и ирония обладают чертами как фольклорной, так и литературной комикки.

Сатира. В критике более всего исследован сатирический пафос гердовских произведений. Ф. К. Ермаков отмечает в числе наиболее значимых стихотворение «Парсь» («Свинья»), впервые напечатанное в газете «Гудыри» (5 июня 1925 г.). Исследователь пишет, что эта «басня написана против русских шовинистов и удмуртских нигилистов» («зуч шовинистъёслы но удмурт нигилистъёслы пумит гождэмын») [5. С. 119]. А. Н. Уваров в монографии «Художественное своеобразие удмуртской сатиры» определил жанр этого текста как памфлет: «Перед нами возникает образ свиноподобного двуногого существа, смысл жизни которого заключается в сытости, тепле и сонном уюте, причем, по мнению этого существа, все окружающие должны поступать точно так же, как он. Такой человек не понимает людей, тянущихся к свету и знаниям, скептически, а подчас и с подозрительным недоверием относится к ним» [12. С. 110].

Говоря о жанровой природе стихотворения «Парсь», отметим, что различие в ее определениях обусловлено синтетической природой многих жанров того времени. В тексте содержатся и элементы басни – с ее эпичностью и нравоучением (Ф. Ермаков), и памфлета – с его острой сатирой на политических деятелей (А. Уваров), но также и пародии на «ролевое» стихотворение (термин Б. Кормана), так как все повествование дается от лица «я», с чьей позицией принципиально не совпадает мнение автора.

<i>Мон – парсь...</i>	<i>Я свинья...</i>
<i>Гидын,</i>	<i>В хлеву,</i>
<i>Кыед пушкын,</i>	<i>В навозе,</i>
<i>Весь улйсько –</i>	<i>Постоянно живу –</i>
<i>Ас кырзанме, чик кышкатэк,</i>	<i>Свою песню без страха,</i>
<i>Возьдаськытэк,</i>	<i>Не стесняясь,</i>
<i>Мон кырзасько:</i>	<i>Я пою:</i>
<i>– Кри-кря!..</i>	<i>– Кри-кря!.. [4. Т. 2. С. 169].</i>

Пространственная оппозиция «свой мир» (хлев, навоз) / «чужой мир» (голубое небо, цветы) осложняется тем, что второе ассоциируется с поэзией, воспевающей новое культурное строительство в республике, когда как для «свинтуса» ближе и роднее его собственная примитивная песня – «кри-кря!».

Жанровая синкретичность характерна и для других сатирических произведений К. Герда, таких как «Шатров удмуртъёслы ужа» («Шатров работает на удмуртов»), «Тараканэз дышетйсьёс» («Преподаватели тараканов»), «Пуныос» («Псы») и др., написанных на основе конкретных фактов. Так, в одном из текстов осмеян учитель Шамшурин, гордящийся тем, что у него в классе удмуртскими книгами расклеены стены, благодаря чему не только школьники, но и тараканы могут учить национальный язык:

*Нацполитикаез школаямы туж юн пыртйськом:
Уд адзиське-а? Пинальёсыз гинэ ёвёл,
Тараканъёсыз но удмурт кылын дышетйськом [4. Т. 2. С. 157].*

Мы нацполитику очень сильно внедряем в школу:
Разве не видно? Не только детей,
Но и тараканов удмуртскому языку учим*.

Текст соединяет черты и памфлета, и сатиры – в классицистическом ее понимании, также, как стихотворение «Пуныос» («Псы»), герой которого (в форме «я») призывает друга-литератора не реагировать на «тявкание» критиков, ибо если в руки возьмешь «кирпич», они только раззадорятся. Отсюда – нравоучение: «Мын ас сюрестйд, шонер уждэ вунэтытэк. / Векчи пуныпиос өжыт утозы но / Дугдозы...» («Иди своей дорогой, не забывая свой верный труд. / Мелкие псы немного полагают да / перестанут» [4. Т. 2. С. 141].

Из канонических сатирических жанров, среди которых у К. Герда выделяется басня, назовем стихотворения «Кык сабан» («Два сабана») и «Вень» («Игла»). Хотя автор не дал им жанрового определения, но тексты построены с ориентированием на европейские образцы: дидактический сюжет, иносказательность и нравоучение.

Ирония. Для ряда сатирических стихов Герда характерно использование песенных форм, прежде всего – частушек: «Туала кырзаньёс» («Современные песни»), «Мон лусал ке...» («Если б я стал...»), «Вань вал милям...» («Были раньше у нас...»). Главное отличие гердовских частушек от народных мы видим в том, что в них широко включены различные формы иронии. Так, в одном из текстов поэт в ролевой форме осмеивает удмурта, мечтающего выбиться в «большие люди» и доказывать свое превосходство тем, что своих сородичей «просил бы вкусно его покормить», «продавал бы им гнилой товар», «выгнал бы вон врача-удмурта, если тот его вылечил» и т. п. Или другой пример частушек:

<i>Вань вал милям мунчомы</i>	Были раньше у нас бани
<i>Сифилисэз вöлдыны,</i>	Сифилис распространять,
<i>Вань табере иколамы</i>	Теперь у нас есть школа
<i>Коммунизмез тодыны</i> [4. Т. 2. С. 180].	Про коммунизм узнать.

Пусть и в форме отрицательного параллелизма (баня – школа), но ироническое соседство в тексте разнородных понятий «сифилис» и «коммунизм» не может не вызвать улыбки. Известно, что в параллелизме «отрицанием подчеркивается не различие, а совпадение основных признаков сопоставляемых явлений» [11. С. 270]. В финале стихотворения «Туала кырзаньёс» («Современные песни») примечателен каламбур, усиленный звукописью:

<i>Культыр-кальтыр кальтраса,</i>	Работая тяп да ляп,
<i>Удмурт культур быриз-а? –</i>	Не пропадет ли удмуртская культура?
<i>Удмурт кыл но ышемьн,</i>	И язык удмуртский потерян,
<i>Книгаос но вунэмын</i> [4. Т. 2. С. 183].	И книги забыты.

Сходное звучание слов – «культур» и «культыр» включает в себе диаметрально противоположный смысл: «культур» – культура, а «культыр» – звукоподражательное слово, диапазон значений которого от «кое-как»,

* Подстрочный перевод.

«тяп-ляп» до передачи урчания в желудке. В первом двустиишии игра гласных звуков (у, а) и согласных (к, л, р, т) не только стилистически окрашивает высказывание, но и передает авторскую иронию.

Иная форма иронии выявляется в ролевом стихотворении «Эн тыш-каське» («Не ругайте»), герой которого – нищий гуслиар. Он возвращается в родную деревню и видит полный упадок хозяйства, «заросшего сорняком и крапивой». С болью в душе он говорит о своем тяжелом детстве, о трудной доле односельчан и всего народа. Казалось бы, должно последовать гневное обличение таких порядков, но К. Герд дает неожиданное разрешение:

<i>Одйг гинэ сюрес кылемын:</i>	Но осталась одна дорога:
<i>Бакчаётй мур нюке лёгемын –</i>	Протоптанная из огорода в лог –
<i>Вина пöзьтон доры ветлыны лёсьтэмьин!</i>	Там гонят вино-самогонку!

[4. Т. 1. С. 52].

Все дороги заросли, но одна тропинка – свидетельство активной жизни односельчан: к самогоноварению. Свою боль лирическое «я» высказывает через горькую иронию.

Юмор. Литературные формы юмора используются К. Гердом прежде всего в стихах для детей: «Коцьыш но кечтака» («Кот и козел»), «Сяськаос» («Цветы») и др. В первом из них повадки животных, увиденных глазами ребенка, очеловечиваются, и возникает психологическая картина: «Усатый кот / По саду гуляет. / За этим котом / Козел идет. / Кот своими лапами / Вытирает рот / Козел стоит / И трясет бородой» [4. Т. 2. С. 20]. Во втором тексте дети, играющие на лугу, «слились» с природой, так что со стороны не разобрать, где тут «сяська» («цветок»), а где мальчик Васька. Рифма *сяська – Васька* порождает игровую ситуацию.

Жизнеутверждающим юмором наполнено стихотворение К. Герда «Базар» («Базар»), к которому исследователи обращались не раз. Ф. К. Ермаков показал, какими стилистическими средствами поэт сумел передать разноликий характер базара, в котором соседствуют русская, татарская и удмуртская речь. В этом плане значимы и скрытые, и явные рифмы: *уром – продам, саетг – Рабкоп, барасын – чебер сын* и др. [6. С. 239]. Л. В. Бусыгина обращает внимание на то, что в этом стихотворении ярко вырисовывается обобщенно-собирательное «ми» (мы), пришедшее на смену индивидуально-лирическому «я». Такой тип героя помогает Герду «чутко передавать модернизационные процессы, происходящие в обществе в начале XX века, и они запечатлены главным образом в ритмах, шумах и голосах современной поэту жизни» [1. С. 178]. В отличие от традиционных жанров комического, стихотворение «Базар» не содержит прямого осмеяния и привычной оппозиции верх/низ. Но актуализация праздника, с явной семантикой карнавальности и многообразием культурных кодов, позволяют говорить о том, что текст пронизан духом смеховой культуры: почти целиком состоит он из реплик, неизвестно кому принадлежащих:

– Хлеб, уром, почем? Эй-эй!	– Хлеб, дружище, почем? Ой-ой!
– Манетэн шу, Эртэмей!..	– Скажи за рубль, Эртэмей!
– Ипташ, кая барасын?.. (тат.)	– Друг, куда ты идешь?
– Мемей, басьты чебер сын!..	– Мама, купи красивую гребенку!..

Читатель по своему опыту воссоздает картину рынка или ярмарки. Но весь текст и диалоги насквозь пронизаны юмором, что отражается прежде всего в авторской установке. Автор сознательно скрывается за многоголосой и разноязыкой толпой, а если и дает свою оценку, то она «приписывается» другому субъекту:

<i>Кин өвөл та базарын:</i>	Кого только нет на этом базаре:
<i>Зуч, бигер, удмурт татын...</i>	Здесь русский, удмурт, татарин...
<i>Пумтэм йылтэм аядми...</i>	Люди без конца и края...
<i>– Ой, бертом!.. Йыры пормиз!..</i>	– Пойдем домой!.. Голова закружилась!..

[4. Т. 2. С. 201].

У кого закружилась голова? То ли у девочки, которая хочет купить гребенку, то ли у наблюдающего за картиной, то ли еще у кого-нибудь. Грамматически выраженная прямая речь (последняя реплика) призвана в данном случае усилить разноречивость действия, протекающего на ярмарке. «Юмор оказывается востребованным в межкультурной коммуникации, потенциально несущей в себе противоречия и конфликты. Юмор в этой ситуации, с одной стороны, обозначает и актуализирует эти противоречия, эксплуатируя их, подчеркивает принципиальную несводимость одной культуры к другой. Но, с другой стороны, он, во-первых, переводит их в игровую, то есть, несерьезную форму, во-вторых, представляет их в общедоступной, легкой для понимания участниками коммуникации форме. А в том случае, если проблема четко сформулирована, проговорена, осознана и понята, она теряет свою эмоциональную остроту и позволяет оперирование уже рациональными методами» [10. С. 10–11].

Особое место в поэзии К. Герда занимает стихотворение «Изгнание шайтана», в котором амбивалентность (А. Красильников) художественной системы К. Герда обнаруживается особенно отчетливо. Здесь налицо два сценария: мифологический (серьезный) и авторско-индивидуальный (комический), вступающие в своеобразный диалог и конфликт. Мифологический пласт «Изгнания шайтана» проанализирован А. В. Камитовой при сравнении оригинала с его переводом на русский язык. В отличие от Герда, переводчик «предлагает читателю образы мифологических персонажей, заимствованных из культуры разных народов: черти, домовые, вурдалаки, бяки, шайтаны, но сохраняет рисунок художественного монтажа происходящей сцены, что в этом случае является наиболее важным» [7. С. 108].

*Ойдолэ потоме, мыноме, кошкоме
Шайтанъёсыз, периосыз, убиръёсыз уल्याны! /.../
– Кытын-о тii, периос? Кытын-о тii, шайтанъёс?
Ми тiледыз улялом, выылом, быдтылом!*

Эй! Иди, выходи, заходи, подходи –
Всех чертей домовых нынче прочь будем гнать! /.../
– Где вы, черти. Где вы, бяки? Где шайтаны, вурдалаки?
Мы вас выгоним, найдем, переловим, перебьем!

Перевод В. Емельянова [3. С. 148].

А. В. Камитова отмечает, что модель обряда, предложенная Гердом, сохранила богатую историко-этнографическую информацию и в русском переводе, несмотря на некоторые неточности, с ее точки зрения, в передаче этнографических реалий. И все же добавим, что авторский замысел не нацелен на воссоздание правдивой мифологической картины обряда, так как К. Герд с юмором описывает происходящее. Так, обилие ономапоэтизмов, передающих звуки изгнания людьми нечистых сил (*зикыр, зукыр, шатыр-шытыр, дымбыр-йыг, тэчыр-тачыр, шатыр-тач, лир-люр, чир-бок, о-го-го, у-гу-гу, шалтыр-дыбыр, дыбырак* и др.) призвано создать именно комический эффект. Но смеховое начало не сводится только к этому. Как справедливо отмечает Т. Г. Владыкина, удмуртские исследователи обрядов в основном акцентируют внимание на смехе позднем – социальном, то есть на смехе-осмеянии, «а магическая функция смеха упоминается лишь как архаический этап» [2. С. 306]. В «Изгнании шайтана» Герд, используя прием диалогических выкрикиваний, сумел передать архаическую магию смеха, призванного таинственно воздействовать на миры рождения и смерти, света и мрака.

Таким образом, в поэзии Кузубая Герда комическая картина мира удмуртов представлена в широком диапазоне. Поэт может использовать как канонические жанры (с ориентировкой на русскую и зарубежную литературу), так и формы, в которых синтезированы признаки различных жанров. Амбивалентность художественной системы Герда объясняется переходностью от фольклорной эстетики к эстетическим принципам индивидуально-личностным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бусыгина Л. В. «Временем помечен, Поэт и Человек...»: размышления о слове и эпохе Кузубая Герда. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 248 с.
2. Владыкина Т. Г. Функции смеха в семейной и календарной обрядности удмуртов // Т. Г. Владыкина. Удмуртский фольклор / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1998. С. 306–325.
3. Герд К. «В полете к солнцу...»: Стихи и поэмы / Пер. с удм. Ижевск: Удмуртия, 1989. 241 с.
4. Герд К. Люкам сочинениос. Куать томен. Т. 1–2. Ижевск: Удмуртия, 2002. 1-тй т. 352 б.; 2-тй т. 240 б.
5. Ермаков Ф. К. Газет но журнал бамгёсысь чурёс // Герд К. Люкам сочинениос. Куать томен. 2-тй т. Ижевск: Удмуртия, 2002. С. 116–120.
6. Ермаков Ф. К. Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 448 с.
7. Камитова А. В. Образный мир Кузубая Герда: оригинал и переводческая интерпретация / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2006. 192 с.
8. Красильников А. Г. Межевой камень / «Как молния в ночи...». К. Герд: Жизнь. Творчество. Эпоха / Сост. З. А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 25–27.
9. Красильников А. Г. Об особенностях поэтического мышления К. Герда // К изучению жизни и творчества Кузубая Герда / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1988. С. 81–85.
10. Лаврентьев А. И. Общая теория словесного юмора (General Theory of Verbal Humor) на примере литератур этнических меньшинств // Дидактика межкультурной

коммуникации в иноязычном образовании: теория и практика: Материалы всероссийского конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию проф. А. Н. Утехиной: в 2 ч. / Ред.: Т. И. Зеленина, Л. М. Малых. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. Ч. 2: Филология. Лингвистика. С. 10–11.

11. Словарь литературоведческих терминов / Ред. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 510 с.

12. *Уваров А. Н.* Художественное своеобразие удмуртской сатиры. Ижевск: Удмуртия, 1979. 132 с.

Поступила в редакцию 26.05.2014

A. I. Lavrentyev, V. L. Shibanov

Specificity of Humorous Culture in Kuzebay Gerd's Poetry

The article analyses poems of Kuzebay Gerd in which humorous basis plays an important role: 'Parsch' ('A Pig'), 'Punyo' ('Dogs'), 'En tyshkaschke' ('Don't scold'), 'Bazar' ('Market place'), 'Shaitan ullyan' ('Driving out a demon') and others. Comic worldview of the Udmurts is widely represented in Gerd's works. Canonical genres are used (with orientation on Russian and European literature) and forms synthesizing the features of various genres (for example, the pamphlet and fables in the form of role poems). Ironical chastooshka is widely used as well. The ambivalence of the art system of Gerd is explained by transitivity from folk aesthetics to the aesthetic principles of personal creativity.

Keywords: the Udmurt literature, Kuzebay Gerd, humorous culture, genre, satire, humor, irony.

Лаврентьев Александр Иванович

кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский государственный университет
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университатская, 1
E-mail: lavrentyev@bk.ru

Шибанов Виктор Леонидович,

кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский государственный университет
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университатская, 1
E-mail: shibvik@rambler.ru

Lavrentyev Alexandr Ivanovich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: lavrentyev@bk.ru

Shibanov Viktor Leonidovich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: shibvik@rambler.ru